

УДК 94(476)"19"+322(476)(091)"19"

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ РАБОТА
ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозного аппарата по формированию советской модели государственно-церковных отношений. Установлено, что основной формой атеистической пропаганды являлись лекции и доклады. Определено, что работа по распространению атеизма партийными и государственными структурами была организована крайне неудовлетворительно. Исследованы механизмы осуществления антирелигиозных мероприятий.

Ключевые слова: антирелигиозный аппарат; Православная церковь; Великая Отечественная война.

**ANTI-RELIGIOUS WORK OF PARTY AND STATE STRUCTURES
IN THE WESTERN REGIONS OF THE BSSR
ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

I. I. Yanushevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yanush@bsu.by*

The article analyzes the activities of the anti-religious apparatus for the formation of the Soviet model of state-church relations. It was established that the main form of atheistic propaganda was lectures and reports. It was determined that the work on the spread of atheism by party and state structures was organized extremely unsatisfactorily. The mechanisms of implementation of anti-religious measures are investigated.

Keywords: the anti-religious apparatus; The Orthodox Church; The Great Patriotic War.

Православная церковь устами своего главы митрополита Сергия уже 22 июня 1941 г. высказала свою однозначную позицию по отношению к вероломному нападению гитлеровской Германии на Советский Союз. К 1939 г. легальная религиозная жизнь в СССР практически прекратилась: духовенство уничтожено, храмы закрыты или разрушены, святыни были осквернены. Верующий человек считался отщепенцем. В страшную для Родины годину православный народ с полным пониманием того, что иного варианта христианин и не может для себя выбрать, встал на ее защиту. Патриотическую миссию Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны выполнила с тем же результатом, что и на протяжении

всей своей истории, хотя некоторым могло показаться, что ей с советской властью никак не по пути. Государственно-церковные отношения в 1917–1941 гг. стали самыми контрпродуктивными для сторон. Попытка кавалеристского наскока большевиков на религиозность населения потерпела свое первое поражение уже в начале 1920-х гг. Резкие репрессивные и ограничительные меры в сочетании с иными преобразованиями в социально-политической жизни привели к росту интереса к религии и церковной жизни. Православные верующие массово возвращались в храмы. Не навязываемая официальными структурами воцерковленность становится препонами для массовой секуляризации общества. Предлагаемая в виде безбожия или атеизма свобода совести оказалась слабо востребованной в стране советов. Попытка продвижения штампа верующий-поп-враг народа однозначно противоречила традициям российской государственности. Вмонтированная в общую идеологическую работу антирелигиозная пропаганда должна была демонстрировать опасность наличия религиозных верований в условиях высокой религиозности населения. Фактически с начала 1930-х гг. СССР начал готовиться к возможной агрессии буржуазных государств, что в свою очередь, требовало сплочения граждан перед лицом смертельной опасности. В то же время согласиться с формами и содержанием антирелигиозной пропаганды, способами ликвидации богослужебных помещений верующие не могли. Оскорбляющие человеческое достоинство акции и мероприятия, полное закрытие храмов к 1938 г. вызывали негативную реакцию населения и массово использовались антисоветской пропагандой как внутри страны, так и за рубежом [1, с. 39]. Пресечение возможности законного отправления религиозных действий не означали исчезновения веры граждан СССР в Бога. Даже не получилось полностью пресечь исполнение религиозных обрядов. Массовым становится нетрадиционная религиозность и практики оккультно-мистического характера [2, л. 76–77].

В сложных для антирелигиозного актива БССР условиях состоялось воссоединение белорусского народа. В Западной Беларуси ограничения касались только Православной церкви, в то же время католические священники являлись частью идеологического аппарата Польши. Белорусские ксендзы подвергались административному давлению. Протестантизм выступал альтернативой «промосковскому» православию. На территории вошедших в состав БССР осенью 1939 г. Пинской, Виленской и Гродненской областей насчитывалось около 800 храмов [3, с. 97]. Весной 1941 г. по советским данным действовало 542 церкви, 5 монастырей с 606 православными священнослужителями [4, л. 115]. Выстраивать политику по отношению религиозных организаций приходилось и с учетом ряда критичных обстоятельств. Встретившее Красную армию как освободителя население

в подавляющем своем большинстве являлось верующим. Наличие храма, священнослужителя и возможность совершения обрядов для них было естественным состоянием. Одновременно с процессом советизации граждан и возникающими в подобных ситуациях сложностях имело место распространение слухов о скорой кончине Советской власти и возможном переходе Беларуси под протекторат Германии [5, л. 181].

В то же время задачи государственного строительства и незыблемые идеологические постулаты не могли изменить основных направлений политики по отношению к религии и церкви. Практика показала, что наиболее эффективным способом борьбы с влиянием религиозных организаций и духовенства была их ликвидация. Нарботки в этом плане у антирелигиозного аппарата были значительные. Применять их возможно было с существенными поправками, но и альтернативы на конец 1930-х гг. не имелось. В западных областях устанавливалось максимально ограничивающие возможности духовенства и церковно-приходских советов советское законодательство о культах. На священников и церковные советы налагались непомерно высокие налоги. Не всегда можно было это относить непосредственно к целенаправленной антицерковной деятельности. Например, если в Волковыском районе учетчиками было «потеряно» 9000 гектаров земли, то в Бельском добавлено в долговые обязательства 15 000, а в Замбровском налог на картофель и зерно пытались требовать с пастбищ и сенокосов [6, л. 154]. К православному духовенству в Польше применялись главным образом ограничения экономического и политического плана. В культовые вопросы, кроме неканонического объявления автокефалии власти не вмешивались [7, с. 375–376]. В советской части не инфантильный батюшка считался контрреволюционером априори. Служитель культа был приравнен к потенциальному врагу советской власти. С подобным настроением и представители НКВД, и красноармейцы относились к духовенству на воссоединенных территориях [3, с. 94–97]. В некоторых случаях это было очевидное нарушение советской законности, как в Пинске в случае с поджогом Свято-Феодоровского собора. Православное духовенство не могло смириться с резкими ограничениями в организации церковной жизни. Антирелигиозный актив столкнулся с характерными для СССР формами сопротивления в виде появления новых «святых», «обновления икон», «святых писем» [6, л. 95]. Имели место и публичные выступления священнослужителей. Отец Константин Байко из Клецка в местечке Беловежа Гайновского района осенью 1940 г. в проповеди констатировал: «Сталинская Конституция дает нам основание отбывать все религиозные обряды, поэтому мы должны еще больше молиться и выполнять все законы евангелия. Один жид в нашем районе читал лекции и хотел доказать, что Бога нет. Я выступил на этом собрании и как

академик доказал, что Бог есть. Я призываю вас молиться, посещать церковь [6, л. 94]. Подобные выступления однозначно влекли за собой продолжительный срок заключения. В «профилактических мерах» было арестовано около 10 % православных священнослужителей.

Фактически не решенным остался вопрос массового распространения атеистического мировоззрения среди населения. Для строительства коммунизма необходим был именно не верующий в сверхъестественные силы человек. Его религией должен был стать марксизм-ленинизм, пропагандировавший идею всемогущества человеческого разума. Именно на основании этого утверждения и выстраивалась вся атеистическая пропаганда. Доказательной базы, достаточной для коренного изменения мировоззрения верующего человека на противоположное в СССР до 1939 г. выработано не было. Однако это не означало, что антирелигиозная работа могла быть свернута. В ЦК партии и комсомола был накоплен значительный опыт антирелигиозной пропагандистской работы, главным проводником которой должна была стать специализированная организация. Такой структурой был Союз воинствующих безбожников (СВБ). Однако, в БССР наладить работу данной структуры не удалось. Проверяющий из Москвы констатировал: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала. В составе пленума находились враги народа: Шукевич, Щуцкий, Капаевич, Успенский и др. Во главе президиума ЦС СВБ Беларуси был Левков, так же ныне разоблаченный, как враг народа» [8, л. 6].

ЦК КП(б)Б так же отмечал в постановлении от 03.04.1937 г.: «Центральный совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптированный в 1930–1931 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел., в том числе, прямых врагов народа, шпионов во главе с председателем шпионом Левковым. Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2–3 человека. Платный аппарат ЦО ОВБ состоит из ответственного секретаря т. Шошина и одного инструктора. В течение 8 лет Центральный совет (ЦС) СВБ не считывался перед избирателями и никем не контролировалась его работа. Всякая массовость в работе, начиная от центрального совета и кончая ячейкой СВБ, отсутствует» [9, л. 35–36]. В 1938 г. в некоторых районах и на отдельных предприятиях СВБ начал активно выстраивать свои организационные структуры, проводить уставные мероприятия и чтение лекций. Альтернативной структуры для координации подобной работы на местах не просматривалось.

Тем не менее, Центральный совет СВБ СССР занял по отношению к обеспечению своего присутствия в западных регионах странную позицию:

«На первых порах не следует создавать в этих областях СВБ» [4, л. 120]. Разумное на первый взгляд решение с учетом имеющегося опыта и развития общественно-политической ситуации в регионе. Однако, именно СВБ и был создан, и поддерживался государством именно для такой деятельности. Вместо принятия действенных мер (направления своих сотрудников из числа штатных работников РСФСР, УССР или БССР; выделения средств; разработки методических материалов) 29 декабря 1939 г. на заседании ЦС СВБ принимается постановление общего характера с аналогичным для конца 1920-х гг. текстом и указанием ответственных за организацию структур [10, л. 66]. За 1940 г. СВБ было прочитано только 30 % от общего числа лекций антирелигиозного содержания [4, л. 113]. При этом в сельской местности было организовано менее 10 % подобных мероприятий. В то же время ЦС СВБ СССР и лично Е. М. Ярославский позволяли себе выступать с критикой антирелигиозной работы в западных областях БССР. В письме Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко от 20 сентября 1940 г. Ярославский указывал: «По сведениям ЦС СВБ, там, где такая пропаганда ведется, она ведется кустарно, упрощенчески, на очень невысоком идейном уровне» [4, л. 120]. 30 ноября 1940 г. Ярославский в письме тому же Пономаренко уже фактически требует «обеспечить через Радиоцентры систематическую рассылку текстов антирелигиозных радиопередач, ...издать серию массовых антирелигиозных брошюр, ...издать дополнительным тиражом „Антирелигиозный учебник“» [4, л. 121]. В тот же день секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде В. Н. Малинину глава безбожников напоминает: «Имея в виду, что антирелигиозная лекционная работа, проводимая советами СВБ, является составной частью пропаганды марксизма-ленинизма, ЦС СВБ СССР просит Вас усилить партийное руководство ею» [4, л. 122]. Между тем задача эта была не из легких и безопасных. Например, в Граевском районе к 1 октября 1940 г. 421 ребенок бросил школу главным образом из-за отсутствия одежды и обуви [6, л. 111]. В дальнейшем ситуация только усугубилась. Активисты безбожники подвергались нападению односельчан. В неудовлетворительном состоянии были пункты организации агитационно-пропагандистской работы: «В доме соцкультуры играют в карты, в день, непрерывно танцуют, но в этих домах нет газет, нет наших советских книг» [4, л. 160]. Остро стоял кадровый вопрос агитаторов. В Крынковском районе советскую агитационную работу в деревне Перетосовица местный псаломщик совмещал с основной в храме [6, л. 159]. Несколько систематизировать работы пропагандистов удалось к июню 1941 г. Начавшаяся война списала в историю Союз воинствующих безбожников и прервала оголтелую антирелигиозную политику более чем на десятилетие, возобновленную с установлением власти Н. С. Хрущева.

Таким образом, проведенное исследование показало противоречивость и непоследовательность антирелигиозной работы партийных и государственных структур на воссоединенных белорусских землях. Необходимо было одновременно и располагать поддержкой местного населения, и осуществлять мероприятия по советизации региона. В восточных областях этот процесс проходил в качественно иных условиях и на протяжении многих лет. Ненавистный для православных польский режим сменился политической силой, ставящей своей целью ликвидацию религии и церкви своей программной установкой. Практикуемая в восточных регионах модель ликвидации религиозных структур и организации атеистического воспитания не могла быть перенесена в западные области. Антирелигиозная пропаганда не нашла своего массового распространения как в силу нежелания верующих выслушивать оскорбляющие их религиозное сознание лекции и доклады, так и в силу отсутствия возможности их организации на достаточном методическом уровне. Приезжие выступающие слабо знали специфику населения, не могли найти контакт со слушателями. Местные кадры сознательно или по недомыслию антирелигиозные мероприятия зачастую превращали в информационные встречи без наступательного антирелигиозного подтекста.

Библиографические ссылки

1. *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М.: РОИР, 2005.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
3. *Кривонос Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск: Врата, 2008.
4. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 17182.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16882.
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15345.
7. *Янушевич И. И.* Православная церковь в Беларуси в межвоенный период (1921–1939 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. Минск, 2012. Вып. 12, ч. 1: Исторические и психолого-педагогические науки. С. 371–377.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852.
10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13974.